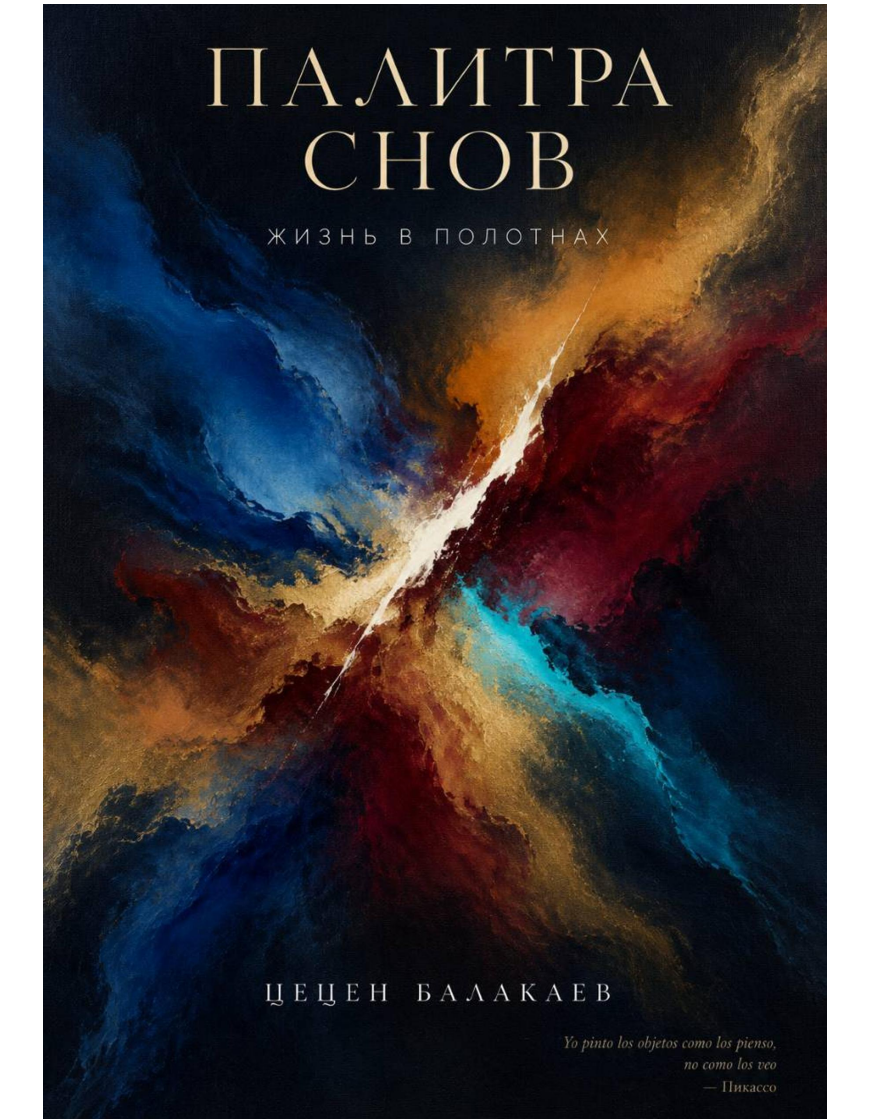

An abstract painting by Tseren Balakayev, featuring a dark, swirling composition of deep blues, vibrant reds, and golden yellows. A bright, white, diagonal streak cuts through the center, creating a sense of dynamic movement and light. The texture is rich and layered, typical of oil painting.

ПАЛИТРА СНОВ

ЖИЗНЬ В ПОЛОТНАХ

ЦЕЦЕН БАЛАКАЕВ

*Yo pinto los objetos como los pienso,
no como los veo*
— Пикассо

Цецен Балакаев

Палитра снов.

Жизнь в полотнах

<https://litres.ru/74575953>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почему один художник пишет ярость, а другой – тишину? Что заставляет его вставать к холсту снова и снова, зная, что результат непредсказуем? Эта книга – не справочник и не учебник. Это попытка заглянуть туда, где рождается цвет: в сон, в одержимость, в молчание мастерской.

Цецен Балакаев ведёт читателя через судьбы и работы мастеров, но говорит не о датах и техниках, а о том, что ими двигало – голод, страх, любовь, необходимость высказаться, когда слов уже не хватает. Каждая глава – как отдельный мазок: сама по себе деталь, вместе – картина.

«Я пишу предметы так, как я их мыслю, а не так, как я их вижу», – сказал Пикассо. Эта мысль – ключ ко всей книге. Здесь нет лиц и репродукций. Здесь есть только цвет, который становится героем. И жизнь, которая в этот цвет вписана.

Для тех, кто любит искусство не как список имён, а как способ чувствовать.

Оформление: обложка, иллюстрации - автора.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Цецен Балакаев

Палитра снов.

Жизнь в полотнах

Глава 1

Цецен Балакаев

«Палитра снов. Жизнь в полотнах»

Почему один художник пишет ярость, а другой – тишину? Что заставляет его вставать к холсту снова и снова, зная, что результат непредсказуем? Эта книга – не справочник и не учебник. Это попытка заглянуть туда, где рождается цвет: в сон, в одержимость, в молчание мастерской.

Цецен Балакаев ведёт читателя через судьбы и работы мастеров, но говорит не о датах и техниках, а о том, что ими двигало – голод, страх, любовь, необходимость высказаться, когда слов уже не хватает. Каждая глава – как отдельный мазок: сама по себе деталь, вместе – картина.

«Я пишу предметы так, как я их мыслю, а не так, как я их вижу», – сказал Пикассо. Эта мысль – ключ ко всей книге. Здесь нет лиц и репродукций. Здесь есть только цвет, который становится героем. И жизнь, которая в этот цвет вписана.

Для тех, кто любит искусство не как список имён, а как способ чувствовать.

Предисловие

Эта книга начиналась не с замысла, а с вопроса.

Я долго не мог понять, почему одни полотна оставляют меня равнодушным, а другие – не отпускают годами. Дело не в мастерстве. Не в сюжете. Не в имени на табличке. Что-то другое держит взгляд: цвет, который как будто знает о тебе больше, чем ты сам.

Потом я понял: меня всегда интересовал не результат, а причина. Не то, *что* написал художник, а то, *почему* он не мог этого не написать. Что стоит за выбором цвета, за упрямым возвращением к одному и тому же образу, за способностью годами работать в нищете и безвестности? Голод? Гордыня? Страх смерти? Или тихое, почти физическое ощущение, что если не выплеснуть это на холст – оно тебя разрушит?

Так родилась «Палитра снов».

Я сознательно отказался от привычного формата. Здесь нет портретов художников на обложке, нет репродукций внутри. Это не биографический справочник и не каталог. Я не хотел, чтобы читатель узнавал лица – я хотел, чтобы он чувствовал цвет. Потому что именно цвет – чистый, неприютный, ни на что не похожий – остаётся главным свидетелем

того, что происходило в душе мастера. Лица старятся, имена забываются, картины переезжают из музея в музей. Цвет остаётся.

Название «Палитра снов» – не метафора ради красоты. Сон и живопись роднит одно: и там, и здесь работает не логика, а внутренняя необходимость. Художник не выбирает цвет – он ему подчиняется. Так же, как спящий не выбирает сновидение: он может лишь идти за ним и не мешать.

Слова Пикассо, вынесенные в эпиграф, – не просто красивая фраза. «Я пишу предметы так, как я их мыслю, а не так, как я их вижу». Это признание в том, что искусство – не отражение мира, а его продолжение. Художник не копирует реальность – он её додумывает, досоздаёт, дополняет тем, чего в ней не хватало. И делает это краской, светом, пустотой.

Я писал эту книгу не как искусствовед. Я писал её как человек, который однажды остановился перед полотном и не смог уйти. Возможно, со мной это случилось позже, чем с другими. Но именно поэтому мне так важно было разобраться: что же меня там держало?

Эта книга – не ответ. Это приглашение. Приглашение смотреть медленнее, чувствовать точнее и не бояться задавать искусству вопросы, на которые у него, возможно, нет ответов. Но сам вопрос уже меняет того, кто его задаёт.

Оформление: обложка, иллюстрации – автора.

Глава 2

«Негасимый огонёк»

Рассказ

1.

Она вошла в его жизнь случайно.

Муж привёз – похвастаться. Смотри, мол, Фёдор, какое сокровище мне досталось.

Рокотов взглянул. И понял: пропал.

Её звали Сашенька. Александре Петровне шёл девятнадцатый год.

Она не была красавицей в том смысле, какой вкладывали тогда в это слово. Ни правильности черт, ни гордой осанки. В ней было другое. Что-то неуловимое, как отблеск свечи на воде. Она улыбалась так, будто знала грустную тайну. И в глазах всегда стоял туман.

Полуулыбка. Полуплач. Два тумана. Два обмана.

Откуда это в девятнадцать лет?

2.

Смольный институт. Благородных девиц учили музыке, этикету, послушанию. Учили быть достойными жёнами. Не учили быть счастливыми.

Потом выдали замуж.

Николай Струйский был богат безумно, знатен и влюблён без памяти. Он дарил ей храмы и дворцы, писал стихи,

называл Сапфирой. И он же был страшен в своей горячечной одержимости. Устраивал в имении пыточные, стрелял по крепостным, как по мишеням. Проигрывал людей в карты.

Она знала это. Знала – и молчала. Куда ей было деться? В ту пору женщин не спрашивали.

3.

Москва. Мастерская на Старой Басманной. Муж уехал по делам, велел ждать.

Она сидит у окна и смотрит, как художник смешивает краски.

– Куда надобно смотреть? – спросила тихо.

– Куда вам будет угодно, Александра Петровна.

Она помедлила. Подняла глаза.

– Тогда можно ли на вас?

Вот тут всё и началось.

4.

Он писал её долго. Дольше, чем обычно. Придумывал предлоги, чтобы отложить отъезд, чтобы ещё раз тронуть кистью воздух вокруг её лица.

В комнате звучала музыка. Она попросила сама: «Фёдор Степанович, можно, я буду играть? Мне так легче». Он кивнул.

Она садилась за клавесин в углу и играла. Что – мы не узнаем никогда. Может, итальянские сонаты. Может, что-то своё, что рождалось здесь же, под пальцами. Она играла

негромко, будто для себя. А он слушал и писал. И музыка входила в него, смешивалась с красками, оседала под сердцем.

Иногда она замолкала и смотрела в окно. Тогда он тоже молчал. Ждал. Боялся спугнуть тишину. Видел в ней то, чего не видели другие. Видел, как она тоскует по чему-то, чего у неё никогда не было и уже не будет. Видел огонёк, который ещё теплится в груди. Если погаснет – не зажечь никому.

Однажды он не выдержал:

– Оставайтесь такой. Я из гроба почувствую, если этот огонёк погаснет. И как мне тогда будет больно, Сашенька.

Она вспыхнула, накинула шубку и выбежала.

А ночью не спала. Прижимала ладони к горящим щекам. Ей казалось: в музыке, которую она играла, теперь навсегда остался его голос.

5.

Портрет увезли в Рузаевку. В тот самый дворец, где стены сплошь увешаны картинами. Там, среди чужих лиц, её лицо смотрело теперь на неё самое.

Она приходила по ночам, когда дом затихал и муж видел сны на своём Парнасе. Зажигала свечу, садилась напротив и всматривалась.

Та ли это Сашенька, что играла на клавесине в московской мастерской? Та, что смотрела на художника и не могла отвести глаз?

Нет. Та осталась там, на холсте.

Здесь, в Рузаевке, жила другая. Помещица, мать семейства, хозяйка имения, где пахнет кожей и кровью.

Музыка ушла. Она пробовала играть – пальцы не слушались. Звук выходил сухим, мёртвым. Клавесин стоял в углу гостиной. Она завешивала его тканью, чтобы не видеть.

6.

А Рокотов в Москве жил с этой музыкой. С той, что звучала тем летом.

Он почти не писал – глаза сдавали. Сидел в кресле у окна на Старой Басманной и слушал тишину. Сквозь тишину пробивалось другое: её голос. «Тогда можно ли на вас?» И ноты. Те самые, что она играла, пока он водил кистью.

Он знал, что умрёт один. Так и вышло.

В гроб положили карандашный рисунок. Тот самый, что он сделал наскоро, боясь расстаться с портретом. Наказал племянникам: «Положите».

Они положили.

7.

Александра Петровна прожила долго. Восемьдесят шесть лет. Рожала детей, хоронила внуков, управляла имением. Стала строгой старухой в чепце. Никто бы не узнал в ней ту девушку с портрета.

Но когда умирала – тихо, слабея с каждым часом, – попросила принести портрет из галереи и поставить напротив.

Они смотрели друг на друга. Старуха на портрете, девушка в кресле. Или наоборот? Кто из них настоящий? Кто про-

жил эту жизнь, а кто остался там — в музыке и свете?

Никто не заметил, когда она перестала дышать. В комнате были только она и портрет. Но та, с портрета, всё смотрела. Молодая, печальная, с туманом в глазах.

8.

А музыка осталась.

Неслышная никому, кроме тех, кто умеет слушать тишину. Если подойти к портрету в Третьяковке, когда в зале никого нет, и замереть — может, услышишь. Что-то далёкое, нежное. То, что звучало тем летом в мастерской на двоих.

И глаза её. Всё те же.

Два тумана. Два обмана. Полуулыбка, полуплач.

Огонёк, который не погас.

Глава 3

«Сон в летнюю ночь, или Явление идеала»

Рассказ

В Астрахани, в тот проклятый год, всё было не так. Город, где Волга лениво несла свои воды мимо рыбных промыслов и бахчей, казался мне чужим, несмотря на то, что здесь, по иронии судьбы, родился мой любимый художник Кустодиев. Но я, беженец из Питера, иззябшийся не столько от холода, сколько от тоски по ушедшему Серебряному веку, не находил здесь отрады.

А пуще всего томили меня здешние красавицы. Боже мой, что это был за тип! Смуглые, тонкие, как вобла, чернобровые и жгучие, они походили на персиянок с базарных открыток. Местные поэты, помешанные на Востоке, слагали им оды, но меня, признаться, воротило. «Худые женщины на творчество не вдохновляют», – любил повторять Кустодиев, и он был прав. Не будучи художником, а лишь скромным ценителем, я готов был подписаться под каждым его словом. Где же та самая, кровь с молоком, белотелая царица моих снов, что грезилась мне на морозных петербургских улицах, ныне заколоченных досками?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.